

Сергей Сергеевич Алексеев – известный отечественный ученый – философ, правовед, доктор юридических наук, профессор, автор ряда фундаментальных работ в области теории права.

С.С.Алексеев

Самое святое, что есть у Бога на земле

3. Истоки права

"Базис" права. О фактическом содержании и предмете права.

"Базис" права. При рассмотрении истоков права (права в его собственной плоти, т. е. в качестве чистого права) приходится начинать с представлений, имеющих до настоящего времени, известное распространение в науке, в общественном мнении. Особенно — в нашем Отечестве, в России.

В соответствии с постулатами ортодоксального марксизма в правоведении, безраздельно господствовавшего в условиях советского общества в течение многих десятилетий, исходной и решающей философской основой для понимания права неизменно брались положения о "базисе и надстройке". Даже сейчас, когда общественные науки в России все более и более освобождаются от ортодоксальных догм, эти положения оцениваются в представлениях ряда авторов как нечто положительное, что и в новых условиях может быть воспринято от марксизма. Признание заслуг Маркса в обосновании зависимости характера общественного развития и самой сути институтов общества "от экономики" ("экономического базиса") вообще до нынешнего времени довольно широко распространено в мире.

Между тем, положения о "базисе и надстройке", в том виде, в каком они были канонизированы марксизмом, нуждаются, следует думать, в основательной критической проверке, в переосмыслении. Особенно с точки зрения предмета этой книги: реальных процессов, характерных для возникновения, функционирования и развития такого важнейшего института общества в условиях цивилизации, как право.

Конечно, нет слов, экономика, экономическое положение данного общества — важный, порой ключевой фактор, определяющий реальное состояние общества, саму возможность и перспективу его развития. А отсюда — содержание, направленность политики в данном обществе, практических действий людей, условия и возможности формирования тех или иных институтов. Экономика, ее основы и механизмы (рыночные, государственно-властные) накладывают свою печать на институты общества: демократию, парламентаризм, право, партийную систему и др. И такое влияние, как это отмечалось при рассмотрении права-регулятора, может быть значительным.

Вместе с тем, необходимо с определенной строгостью проводить принципиальное различие между таким общим влиянием экономики на жизнь данного общества, на его состояние и возможности, с одной стороны; а с другой — значением экономики в качестве фактора, созидającego, формирующего его институты. Суть вопроса в том, что сами институты, из которых складывается общество, в том числе право, государство и др., при всей их зависимости от внешних факторов и условий напрямую, пусть и "в конечном счете", не выводимы из экономики. Их "появление на свет", их бытие не вписываются в то соотношение между разнообразными элементами общества, когда бы экономика в виде производственных отношений образовывала некий "базис", а все остальное в жизни людей (многообразные институты, формы духовной, нравственной, интеллектуальной жизни) составляло всего лишь "надстройку" над экономическим базисом.

Соотношение здесь — и современная гуманитарная мысль всё более и более утверждает в этом — сложное, основанное на действии многих факторов, в том числе духовных, нравственных, которые взаимодействуют друг с другом, порой меняются местами, когда одни из них возвышаются, другие теряют свою силу, сходят со сцены. При этом подробное исследование права подтверждает то обстоятельство, что, наряду с фактором преимущественно экономического порядка (собственностью), на жизнь общества решающим образом, влияют еще две силы — «власть» и «идеи».

И если уж оправдано утверждать, что в обществе среди многообразных факторов, влияющих на общественную жизнь, должен все же наличествовать какой-то исходный "базис", то надо видеть, что для человека, для сообщества людей — существ разумных - подобный "базис" (в особенности — в отношении институтов общества) следует искать, в разуме, в его высших проявлениях, разумной деятельности людей. И не потому ли возникает предположение, что Кант, встретившись с необходимостью раскрыть секреты права, вполне оправданно обращается именно к разуму (чистому, практическому, к способности суждения) и, когда затем вновь возвращается к вопросам права, именно с разумом связывает само его, права, существование, развитие?

Если это верно, то в чем тут дело? Не в том ли, что влияние любой внешней силы на поведение человека, его образ действия, поступки, так или иначе проходит "через его голову", — его мысль, чувства, другие стороны духовной жизни. Да, отчасти — в этом.

Но не только и, пожалуй, даже не столько.

Суть дела в другом. Именно в результате разумной деятельности людей известные формы этой деятельности объективируются, обретают самостоятельное, автономное бытие, отчуждаются в самостоятельные институциональные образования, то есть как раз становятся институтами — процесс, в котором существенную роль играет важнейшее проявление разума — письменная речь, письменность, дающая, по приведенному ранее свидетельству Рикёра, эффект "семантической автономии". И, хотя в результате институализации известных форм человеческой деятельности сложившиеся в этой связи институты по современным критериям и оценкам могут иметь негативное, антисоциальное значение (скажем, институты государства, выраженные в тираническом режиме властей), принципиально важным для человечества, его судьбы является то, что сами по себе эти институты изначально несут в себе позитивный потенциал разума. И что именно в таких институтах высшие проявления разума, самые значимые его ценности могут закрепляться, накапливаться, обогащаться и получать в таком качестве непрерывное бытие во времени как феномены культуры для всех людей, для будущих поколений.

Принципиальная важность существования и развития институтов под углом зрения содержащегося в них потенциала разума состоит, помимо всего иного, в том, что именно с данной стороны они способны помочь человеку противостоять тем исторически заложенным в человеке биосоциальным программам поведения людей (по своей силе и инерции имеющие, увы, по большей части доминирующее значение в людских поступках), как стремление к господству в системе иерархии, агрессивность, подавление слабого, захват и присвоение окружающих предметов, сфер и объектов господства. Именно с данной стороны они воспринимают другие природные задатки — те, которые выражают стремление к свободе, своей собственности, творчеству, наконец, к тому, что может быть названо "правом" уважением к нему. Социальным институтом, содержащим и накапливающим позитивный потенциал разума, в условиях цивилизации и является право.

О фактическом содержании и предмете права.

В связи с вопросами, рассматриваемыми в данной главе, достойна специального анализа проблема предмета права. Причем в той ее постановке и истолковании, которые утвердились в советской юридической науке, приобрели чуть ли не аксиоматический характер и продолжают властвовать над умами многих отечественных юристов по сей день.

Сначала — некоторые соображения, относящиеся к представлению о фактическом содержании права. Напомню, что Кант, конструируя понятие чистого права, резко отделял право от внешних "предметов" и внешней "материи", В той плоскости следует четко разграничивать "само" право и те внешние предметы, внешнюю материю, с которыми право имеет дело. Знаменательно при этом, что Кант проводит свои мысли "по максимуму" и относит к такого рода предметам не только природные объекты, вещи, продукты деятельности людей, но и цели (определяемые философом как явления людского произвола), человеческий опыт, моральные основы и критерии поведения людей и даже, как было показано ранее, требования кантовского категорического императива, имеющего весьма отчетливую правовую ориентацию. С учетом данных Истории и тех метаморфоз, через которые прошло право при тоталитарных режимах, в том числе в советском обществе, в состав такого рода внешних объектов надо включить, следуя логике рассматриваемого разграничения, идеологию во всех ее разновидностях, а на высоком уровне демократического и правового развития также саму политическую государственную власть.

В то же время нужно, с опорой на фактический правовой материал, отдавать отчет и в том, что соотношение права и его "предмета" отличается противоречивостью и, пожалуй, парадоксальностью. При всей строгости приведенного разграничения, оно в реальной жизни не устраняет связи юридического регулирования с его объектами, с общественными отношениями (и тем более — с целями, опытом, моральными критериями и, в особенности, с властью). Все эти внешние предметы и явления во многих случаях, и нередко весьма основательно, влияют — как мы видели — на правовое регулирование, даже в какой-то мере сказываются на его содержании, оставляют на нем свой "след", становятся неотделимыми от содержания прав и обязанностей. А что касается идеологии и власти, то они до последнего времени (в той или иной мере также и в настоящее время) глубоко проникали в содержание права, порождая такие правовые фантомы, как "право власти"

Выходит, наряду с собственным содержанием права (догмой права, особой юридической структурой, правовыми идеями), уместно говорить также и о фактическом содержании права.

Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. Норма, М., 1998.

